И.И.Ляпушкин

МЕСТО РОМЕНСКО-БОРШЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДИ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Среди славянских древностей времени накануне образования Древнерусского (Киевского) государства и первых веков его существования (VIII – X) наиболее изученными являются археологические памятники Днепровского Левобережья (в широком понимании этой территории – от Днепра до Дона), известные в литературе под именем памятников роменско-боршевского типа. Но и эти памятники изучены еще столь недостаточно, что до сего времени нет возможности ответить на такой важный вопрос, как место их среди других древностей Восточной Европы. Правда, вопрос этот довольно сложный, он охватывает такие темы, как отношение населения, оставившего памятники этого типа, к населению той же территории предшествующего и последующего времени; отношение этого населения к населению, жившему в то время в области Правобережья Днепра и к северу от него и т.д. и т.п. Специальному исследованию этот вопрос в целом никогда не подвергался, но отдельные его стороны, как например, место населения, оставившего роменско-боршевские памятники, в истории Левобережья, освещались в нашей литературе.

Сложность вопроса не позволяет охватить его во всей полноте и в настоящей работе. Мы коснемся здесь лишь одной его стороны – места памятников роменско-боршевского типа среди одновременных им археологических памятников восточного славянства, главным же образом славянства Среднего Поднепровья. Другими словами, мы попытаемся выяснить, в каком соотношении находятся памятники VIII – X вв. Правобережья и Левобережья. С нашей точки зрения, это одна из существенных сторон интересующего нас вопроса, от правильного освещения которой зависят как раскрытие действительного хода исторического развития жизни восточного славянства Среднего Поднепровья накануне возникновения Киевского государства и в первые века его существования, так и определение дальнейшего направления полевой археологической работы.

Как и весь вопрос в целом, эта сторона никогда не была предметом специального исследования. Ее, как и многие другие стороны, затрагивали лишь попутно, кто в какой-то мере соприкасался с этим периодом. И все же в нашей историко-археологической литературе сложился довольно определенный взгляд на этот счет, суть его сводится к тому, что роменско-боршевские поселения являются памятниками, свойственными лишь Левобережью. Это мнение было сформулировано впервые П.Н.Третьяковым в начале 40-х годов и живет по сей день. В основу своих выводов автор положил материалы разведочных работ, проведенных им в 1940 г. в области Днепровского Правобережья, в том числе материалы Киева (Киселевки). Характеризуя итоги экспедиции, П.Н.Третьяков писал: "Одним из важнейших результатов работ в 1940 г. является окончательное определение места роменских памятников среди других славянских древностей Среднего Поднепровья. Обследования в области правобережья, охватившие значительную территорию, показали, что ни роменских городищ, ни аналогичных им памятников в правобережье не имеется. Роменская культура, таким образом, не является культурой всех или большинства среднеднепровских племен конца I тысячелетия н.э. Она имела в Среднем Поднепровье ограниченное распространение, связываясь с лесными и лесостепными областями Левобережья.. Другим, еще более существенным результатом работы 1940 г. являются впервые обнаруженные, и в большом числе, остатки мест поселений собственно среднеднепровских славян середины и второй половины I тысячелетия н.э. Предварительное обследование ряда селищ по Тетереву и Ирпеню позволяет высказать предположение, что культура среднеднепровского славянства этого времени генетически связывается с культурой "полей погребений-". Одним из наиболее ярких свидетельств правильность этого соображения является свита напластований на Киселевке."

Изложенный в таком общем виде взгляд в последующие, послевоенные годы был повторен автором с некоторыми поправками и изменениями неоднократно, как в отдельных статьях, так и в обобщающей работе "Восточнославянские племена", вышедшей вторым изданием в 1953 г. В этой последней работе, касаясь соотношения славянских памятников второй половины I тысячелетия Правобережья и Левобережья Днепра, П.Н.Третьяков писал: "Культура правобережных племен в конце I тысячелетия н.э. имела многие особенности, отличающие их от северных и от юго-восточных славянских племен.

Если в Левобережье в VII – X вв. преобладали укрепленные поселения, известные по городищам роменского типа, то в Правобережье характер поселков был совершенно иным, и наряду с укреплениями, расположенными кое-где по берегам крупных рек, там преобладали неукрепленные поселки, подобные тем, какие имелись здесь в антское время или еще раньше – в эпоху "полей погребений".

Бытовой инвентарь, происходящий с этих поселений, прежде всего глиняная посуда, точно так же сильно отличался от того, что было характерно для восточных или северных славянских племен Восточно-европейской равнины. Глиняные сосуды имели здесь свои формы, как правило, выделывались на гончарном круге, нередко покрывались лощением, сохраняя традиции посуды "полей погребений". Иной была и погребальная обрядность, в частности, наряду с трупосожжением с глубокой древности здесь бытовал обряд захоронения умерших в землю, совсем незнакомый северным и восточным славянским племенам, неизвестны были здесь и курганы".

Эта точка зрения разделяется многими исследователями и служит основанием для построения широких исторических выводов. В частности, мысль о генетической связи культуры Киевской Руси с культурой "полей погребений" Черняховского типа нашла большую группу приверженцев среди украинских археологов и усиленно ими разрабатывается.

П.Н.Третьяков, определяя место роменских памятников среди других славянских древностей Среднего Поднепровья, ни в статье 1941 г., ни позднее, касаясь этого вопроса, не дал отчетливой характеристики памятников славянской культуры второй половины I тысячелетия Правобережья, ограничившись лишь общими соображениями. Между тем, внимательное изучение этой территории сделало бы невозможным такой категорический вывод, искажающий действительность, что "ни роменских городищ, ни аналогичных памятников в Правобережье не имеется".

В самом деле, материалы, добытые предшествующими исследователями, а также некоторые данные, собранные самим П.Н.Третьяковым в 1940 г., несмотря на их отрывочность, показали, что облик археологических памятников последних веков I тысячелетия н.э. в области Правобережья был далеко не такой, как его рисует автор. В свое время это отмечалось и П.Н.Третьяковым. За год до опубликования итогов работы экспедиции 1940 г. П.Н.Третьяков, характеризуя роменские памятники Левобережья, считал возможным утверждать, опираясь на материалы Киевского музея и обследования С.Гамченко, что подобная примитивная культура имеет место и в области Правобережья. Вот что писал он тогда по этому поводу: "Роменская культура" генетически увязывается не с "полями погребений", а с культурой племен бассейна р. Десны, откуда несомненно и пришли ее носители. Подобное же наслаивание более примитивной культуры северного происхождения на относительно высокую культуру антской эпохи или смешение их прослеживается по материалам ряда древних селищ и городищ, известных в пределах Киева, а также и в области Правобережья". О наличии культурных отложений этого типа в поселениях, обследованных в 1940 г. в области правобережья, можно судить также по таким работам, как "Древлянские грады" и "Розкопи в Києві на горі Киселівці в 1940 р.".

Судя по последней работе, на Киселевке под так называемым великокняжеским слоем был прослежен слой, содержащий грубую лепную керамику, представленную двумя типами сосудов – горшками и сковородками, аналогии последнему типу посуды дают как Левобережные (роменские) городища (например, Буромка Сосницкого района), так и Правобережные – Райки, а также Киев (территория до Владимирова города). Последнее весьма существенно, так как свидетельствует, что отложения этой поры на территории Киева имели более широкое распространение, чем только городище Киселевка, о чем помимо приведенного факта говорят и данные раскопок М.К.Каргера на территории города Владимира, где при исследовании древнейшей укрепленной части поселения им были найдены на дне рва обломки грубой лепной керамики, которую он датирует VIII – IX вв.

Значительно ранее об этом же писал С.Магура. В одной из своих работ он указывал, что если "до недавнего времени лишь на Левобережной Украине исследователям были известны остатки материальной культуры, аналогичной выявленной на городищах Роменшины", то "раскопки на горе Киселевка в Киеве, проведенные нами в 1932 г. показывают, что остатки куль-

туры, аналогичные остаткам на городищах Роменщины, Буримки и др., есть и на Правобережной Украине".

В своих заключениях С.Магура едва ли мог ошибиться. Он хорошо знал культуру левобережных городищ, ибо не один сезон работал с Н.Е.Макаренко, исследуя совместно с ним памятники этого типа (городище и могильник Старое Крейдеше близ хутора Зеленый Гай, городище у хутора Тополи, близ г.Сумы и др.); да и сами материалы, опубликованные им, в достаточной мере, подтверждают выдвинутое им положение. Работы последних лет, проведенные в области Правобережья, показали, что памятники, аналогичные роменско-боршевским, там представлены достаточно широко и что выводы П.Н.Третьякова были преждевременны.

* * *

В последние годы в области Днепровского Правобережья и далее на запад вплоть до верхнего течения Днестра в Лесостепной полосе и в пограничье лесостепи и леса были проведены более широкие полевые археологические разыскания, чем это имело место в предшествующие годы. Одновременно с разведочными работами в ряде поселений были проведены раскопки, значительно пополнившие материалы, характеризующие изучаемый нами период, конец I тысячелетия н.э. Эти новые данные позволили лучше разобраться и в отрывочных материалах, добытых в предшествующий период. В результате этого облик правобережных памятников конца I тысячелетия н.э. раскрылся полнее: они стали более доступными для сравнительного изучения. Разыскания велись в Киевской, Житомирской, Винницкой, Каменец-Подольской, Станиславской, Черновицкой и некоторых других областях Украины.

Наиболее интересными являются раскопки комплекса поселений близ села Райки Житомирской области Бердичевского района (верхнее течение р.Гнилопяти). Здесь в течение ряда лет одновременно с раскопками Райковецкого городища, где кроме слоя так называемой великокняжеской поры оказался также слой VIII – IX вв., были обнаружены и частично исследованы два других поселения, также содержащие отложения VIII – IX вв. в урочище Запасека и Лука.

На Райковецком городище во время раскопок ниже основного слоя, относящегося, как известно, к X–XIII вв. были открыты остатки нескольких полуземляночных жилищ с печами-каменками, которые автор раскопок датирует VIII – IX вв. Керамика этого слоя представлена "фрагментами грубостенной посуды, как сделанной на круге, так и вылепленной от руки".

Поселение в урочище Запасека расположено на расстоянии несколько сот метров от городища и представляет по-видимому, не что иное, как неукрепленную часть Райковецкого поселения. Здесь на поверхности было найдено значительное количество остатков грубостенной лепной посуды. При проведении раскопок обнаружены остатки двух полуземляночных жилищ прямоугольных в плане, размером 4 х 3,5 м с печами-каменками. На полу полуземлянок и в их заполнении найдены обломки грубостенной лепной посуды с примесью большого количества дресвы в тесте. Орнамент волнистый и линейный. Исходя из формы посуды и орнаментации, автор датирует собранный материал раннеславянским временем – VII – VIII вв.

Поселение в урочище Лука расположено на расстоянии около 700 м к северо-востоку от городища Райки, на песчаном холме поймы правого берега р.Гнилопяти. Поселение не имело искусственных оборонительных сооружений, зато было достаточно защищено природными условиями, представляя собою хорошо известный нам как в области Правобережья, так и Левобережья тип так называемых болотных городищ. В течение 1947 – 1948 гг. на поселении были раскопаны остатки восьми жилых построек. От жилищ сохранились нижние части в виде прямоугольных в плане ям, размером около 3 х 3,5 м, углубленных до 1,6 м от современной поверхности, что дает основание утверждать, что жилища были полуземляночного типа. В каждом из жилищ сохранились остатки печи-каменки, расположенной в одном из углов. Размеры печей 1 х 1,3 м, при высоте 0,75 – 0,85 м. Пол печей располагался на уровне пола. У стен были выявлены ямки от столбов, поддерживавших крышу. В отдельных жилищах сохранились следы входа в виде ступенек, выложенных плоскими камнями.

На полу жилищ, в развалах печи, в заполнении ям найдены культурные остатки. Большую часть их составляют обломки лепной посуды, изготовленной из глины с примесью дресвы (зерен кварца). Остатки гончарной посуды, сделанной на ручном гончарном круге, немногочисленны. Основные типы сосудов – горшки, банкообразные сосуды и сковородки. Поверхность некоторых сосудов (в частности, гончарных) покрыта линейным волнистым орнаментом. Край венчика некоторых сковородок орнаментирован насечками. Наиболее близкие аналогии этой керамики в области Правобережья, можно указать в материалах из раскопок

Киселевки и на территории до Владимирова города в Киеве. Помимо керамических остатков при раскопках найдены пряслица из глины и единичные вещи из железа — два ножа и один рыболовный крючок.

Большая часть костей животных, собранных на поселении, принадлежит домашним животным (бык, лошадь, свинья, мелкий рогатый скот — овца или коза); кости диких животных немногочисленны (косуля, бобр, заяц).

Исследователи поселения Луки Райковецкой — Р.И.Вылежев и В.К.Гончаров датируют его VIII — IX вв., т.е. считают одновременным древнему слою Райковецкого городища и поселению в урочище Запасека.

Существенно дополняет представления о характере памятников конца I тысячелетия н.э. третье Гуродское городище, где за последнее время проводились неоднократные раскопки. Городское поселение находится в среднем течении р.Тетерева, на левом высоком ее берегу. Оно представляет сложный памятник, состоящий из трех укреплений и большого неукрепленного поселка около них. Еще в предвоенные годы на третьем городище были прослежены культурные отложения, предшествующие так называемой великокняжеской поре. При раскопках 1947 г. установлено наличие в жизни третьего Городского укрепленного поселка четырех строительных периодов, непосредственно связанных между собой в развитии, датируемых: I период IX — X вв., II период — XI в., III период — XII в., IV период — XIII в. (начало). Из этой свиты напластований нас интересует древнейший этап IX — X вв., представленный в раскопках 1947 г. остатками полуземляночного жилища и хозяйственной ямы. Культурные отложения этого периода, в частности, керамики, по замечанию исследователя, "резко выделяются своими архаичными чертами от той обычной керамики предкиевского времени, характерной для Подолии или Западной Волыни, она значительно примитивнее. Возможно, что в этой особенности следует рассматривать следы иной основы ее происхождения, не в культуре полей погребения, а в культуре типа Луки Райковецкой".

Помимо Городского комплекса поселений, где были произведены раскопочные работы, в бассейне верхнего течения р.Тетерев в те же годы обнаружен еще ряд поселений того же типа — у сел. Швайковки, Троянова и других.

Судя по недавно опубликованным данным, к этому же (Лука Райковецкому) типу поселений относятся и некоторые поселения в бассейне рек Уж, Случи и др., вошедшие в литературу под именем древлянских "градов", обследованные в 1940 г. П.Н.Третьяковым. Большая часть этих поселений была подвергнута лишь внешнему осмотру и только на отдельных поселениях (Малинском на р.Ирше, притоке Тетерева, Искоростеньском на р.Уж) было выяснено, что многие древлянские "грады", как и Городск, наряду с отложениями так называемой великокняжеской поры, имеют и слои более раннего времени — VIII — X вв. По утверждению П.Н.Третьякова, эти слои содержат материалы, очень близкие добытым В.К.Гончаровым при раскопках поселений VIII — X вв. в урочище Лука у села Райки. Здесь оказались такие же полуземляночные жилища и различный бытовой инвентарь.

Отдельные поселения, имеющие полуземляночный тип жилищ и культурные отложения с лепной и грубой гончарной керамикой типа Луки Райковецкой, были обнаружены и далее на запад и юго-запад от села Райки в бассейнах верхнего течения рек Южного и Западного Буга, Днестра и Прута, а также в Закарпатье, в районе Ужгорода.

В бассейне верхнего течения Южного Буга такие поселения были открыты в 1947 г. Д.Т.Березовцом одно у села Сандраки Хмельницкого района Винницкой области, другие у села Сокольца Немировского района Винницкой области. Обследованное в 1946 г. М.И.Артамоновым городище Малые Валы (близ Немирова) наряду с гончарной славянской керамикой содержало и лепную, по-видимому, Луки Райковецкого типа. На другом берегу речки Мирки, против городища Малые Валы, находился небольшой курганный могильник. Один из курганов был раскопан. Под курганной насыпью на горизонте погребенной почвы было открыто кострище диаметром около 6,7 м. Из вещей найдено два арабских диргема — Ахмеда ибн-Нафы II (914 — 943 гг.).

Особенно интересный материал дали раскопки южноподольской археологической экспедиции под руководством М.И.Артамонова на многослойном городище близ села Григоровки, содержащем хорошо сохранившийся культурный слой славянского поселения VIII — X вв. Здесь наряду с обычными полуземляночными жилищами, а также грубой лепной керамикой обнаружены материалы, относящиеся к обработке металлов, в том числе тигли для плавки цветных металлов; тигли эти того же самого типа, что и найденные на одном из одновременных левобережных городищ (Новотроицком).

В бассейне среднего течения Днестра верховьев Прута и Западного Буга поселения VIII – X вв., а может быть и более раннего времени, с керамикой типа Луки Райковецкой и Григоровки были открыты работами, проведенными Институтом общественных наук Львовского филиала АН УССР и Черновицким музеем. Наиболее отчетливо отложения этой поры здесь выступают в бассейне Прута на поселениях у сел Коровия, Била, на территории г.Черновцы (урочище Задубровка); в бассейне Днестра на поселениях у сел Баламутовка, Миткив, Мусоривка, Перебыковцы и др.; в бассейне Западного Буга на поселениях у сел. Неслухов, Рипнев, Зимно и др. Основные типы сосудов – горшки и сковородки. Встречаются также отдельные фрагменты крупных противней – сковород.

Отчетливо выраженный слой славянского поселения был выявлен Южно-Подольской археологической экспедицией в 1953 г. (раскопки Г.И.Смирновой) на многослойном поселении у села Незвиски Станиславской обл. (правый берег р. Днестра). Здесь были открыты разрушенные жилища полуземляночного типа с печами-каменками, грубая лепная керамика в виде кухонных горшков, мисок и сковородок. Поселения этого типа известны и западнее, в районе Ужгорода. Здесь при раскопках 1948 – 1949 гг. в урочище Радванка были раскрыты жилища полуземляночного типа с печами-каменками и лепной керамикой в виде кухонных горшков и сковородок. По-видимому, к этой же группе памятников следует отнести и ранний славянский слой в городище Плиснеско Львовской области Одесского района.

Несколько поселений второй половины I тысячелетия н.э. были обнаружены разведочными работами Т.С.Пассек, В.И.Довженка и В.А.Богусевича в окрестностях г.Канева. На одном из них, расположенном близ усадьбы Биологического заповедника Киевского государственного университета, В.А.Богусевичем были произведены небольшие разведочные раскопки, которыми было вскрыто четыре наземных (?) жилища размерами около 16 кв. м каждое. Внутри трех жилищ сохранились развалы каменных очагов. На полу жилищ и в развалах очагов было найдено значительное количество обломков глиняной посуды, большую часть которых составляли обломки лепных сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы и шамота. Основные типы сосудов – горшки и сковородки. Гончарная посуда представлена немногочисленными обломками горшков с линейным и волнистым многорядным орнаментом. По утверждению автора исследования, поселения подобного типа в районе нижнего Поросья известны еще не были. Наиболее близкие аналогии керамики автор усматривает в материалах из поселения в урочище Лука близ Райков. Автор датирует исследованный памятник IX – X вв., что соответствует, как он выражается, "т.н. роменско-боршевской стадии в истории материальной культуры северо-восточных областей Украинской ССР".

В 1948 г. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В.И.Довженка небольшие раскопки были произведены на поселении близ села Сахновки Корсунь-Шевченковского района Киевской области в урочище Дивич-Гора (левый берег р.Роси). Укрепленная часть поселения в начале XX в. была исследована В.Е.Гезе. У подножия городища раскопками были обнаружены жилища полуземляночного типа с "глинобитными" печами в одном из углов. В жилищах и культурном слое найдена лепная керамика в виде горшков и сковородок, а также железный лемех такого же типа, что и найденные на городище Новотроицком.

Упомянем также о следах аналогичной культуры в виде отдельных находок лепной керамики как типа Луки Райковецкой, так и особенно роменской, сделанных в ряде поселений, обследованных П.А.Раппопортом южнее Киева (в треугольнике рек Ирпень, Днепр, Стугна).

В связи с рассмотрением памятников второй половины I тысячелетия н.э. в области Днепровского Правобережья (в широком понимании – от Днепра до Прута) нельзя пройти мимо памятников того же времени на территориях, соседящих с нами государств – Румынии и Болгарии. Судя по последним публикациям, на территории Румынии в районах, прилегающих к границе СССР, – близ городов Сучавы, Яссы, Бырла и других были открыты остатки древних поселений с полуземляночными жилищами и глиняной лепной посудой в виде кухонных горшков и сковородок. Автор исследования М.Петреску-Дымбовица считает возможным отнести их к группе роменско-боршевских памятников на территории СССР. Памятники того же типа прослеживаются и южнее, в северной части Болгарии (правый берег р. Дуная) близ села Попина Силистринского района. Здесь на одном древнем поселении, исследованном Ж.Н.Выжаровой, под слоем салтово-маяцкой культуры оказались отложения славянской культуры, близкие к описанным нами выше.

Приведенные данные позволяют заключить, что археологические памятники, оставленные славянским населением конца I тысячелетия н.э. в области Днепровского Правобережья, по своему облику (характер поселения, жилых и хозяйственных построек, бытовой и хозяйст-

венный инвентарь) представляют достаточно устойчивый тип. Это небольшие укрепленные и неукрепленные поселки, размещенные гнездами на незначительном друг от друга расстоянии. Основным типом жилищ были полуземлянки, углубленные в землю в пределах около 1 м. Крыша опиралась на столбовую конструкцию. В одном из углов полуземлянок размещалась печь-каменка или "глинобитная". Рядом с жилищами, а иногда и в жилищах, выкапывались хозяйственные ямы (погреба?). Бытовой и хозяйственный инвентарь, находимый при раскопках, довольно однообразен; это остатки глиняной посуды, изделия из кости и единичные поделок из железа. Керамика преимущественно лепная, но встречается и сделанная на гончарном круге, правда, по качеству мало отличающаяся от лепной. В глине значительная примесь дресвы и шамота. Основные типы сосудов — горшки, миски и сковородки; орнамент — линейный и волнистый, чаще многорядный; изредка наблюдается зубчатый чекан или отпечатки палочки, обмотанной веревочкой.

Такое представление о памятниках конца I тысячелетия н.э., складывающееся на основе всей совокупности данных, добытых при полевых изысканиях как в предвоенные, так и в послевоенные годы, существенно расходится с выводом о полной противоположности славянских памятников конца I тысячелетия н.э. Левобережья (роменских) и Правобережья. Вполне естественно, что это новое представление о памятниках второй половины I тысячелетия (точнее — последней его четверти) в Днепровском Правобережье неизбежно ставит вопрос, каково же действительное соотношение их с памятниками того же времени в Днепровском Левобережье.

Как видно из изложенного, мы располагаем сейчас в отношении памятников Правобережья такими данными, которые позволяют нам провести сравнение их с синхронными левобережными (роменскими) не только в общих чертах, а и в деталях. По-видимому, только нежеланием видеть то, что есть в действительности, можно объяснить появление в наши дни утверждения, что "время VIII — IX вв., предшествующее времени Киевской Руси, на Правобережье очерчивается пока что также гипотетично" (М.Ю.Брайчевский).

* * *

Одним из основных аргументов противопоставления славянских памятников Правобережья второй половины I тысячелетия н.э. Левобережным, П.Н.Третьяков выдвигал то обстоятельство, что правобережные поселения являются неукрепленными поселками, в то время как роменские поселения укреплены (городища). " Памятники I тысячелетия н.э. — писал он в 1941 г. о Правобережье, — представлены исключительно селищами. Среди нескольких десятков обследованных городищ ни одно не принадлежало этому времени". Не менее категорично писал он об этом и в 1946 г., характеризуя итоги экспедиции 1940 г. — "Памятниками второй половины I тысячелетия н.э. на всем протяжении обследованной территории оказались остатки небольших открытых поселков, разбросанных по берегам рек, преимущественно на краю невысоких террас".

Приведенные нами выше данные о поселениях Правобережья второй половины I тысячелетия показывают, что это утверждение расходится с действительностью. Оно опровергается прежде всего материалами экспедиции 1940 г., на основе которых был сделан этот вывод. Еще в работе, содержашей характеристику полевых изысканий 1940 г., П.Н.Третьяков отмечал, что "Остатки славянской культуры последних столетий I тысячелетия н.э. (т.е. соответствующие по времени роменским памятникам — *И.Л.*), подобные происходящим из многочисленных селищ оказались и в нижних горизонтах культурных наслоений ряда городищ эпохи Киевской Руси, в частности, на городищах Искоростени, на разрушенном городище у села Подол (Фрунзиновка) в низовьях Тетерева, кажется на одном из Городских городищ и т.д." Позже в других работах, касающихся памятников Правобережья второй половины I тысячелетия н.э., эта мысль неоднократно повторялась П.Н.Третьяковым. Таким образом, уже в материалах экспедиции, руководимой П.Н.Третьяковым, были налицо все данные, говорившие о том, что в изучаемый нами период (VIII — X вв.) славянское население Правобережья жило не только в неукрепленных, но и в укрепленных поселках. Полевые изыскания в послевоенные годы дали новый, дополнительный материал, подтверждающий это положение.

Вместе с тем, нельзя признать правильным и утверждение, что славянскому населению Левобережья конца I тысячелетия свойственны только укрепленные поселения. Любопытно в этом отношении наименование населения Левобережья, применяемое П.Н.Третьяковым: "племена роменских городищ". Если мы обратимся к пограничной полосе лесостепи и степи (бассейна рек Ворсклы, Псла, Сулы, Донца), то здесь действительно неукрепленных поселков VIII — X вв., находящихся вне связи с укрепленными поселениями, имеется очень мало. Все неукреп-

ленные поселки, как правило, примыкают к укреплениям. Да это и естественно. Постоянная угроза со стороны кочевников степи заставляла мирное население быть настороже. Такую же картину в жизни русского населения, находящегося под угрозой, можно проследить и в более позднее время. Совершенно иное наблюдается в тот же период в более северных районах, в бассейне рек Сейма и Десны. В свое время бассейны этих рек были довольно тщательно обследованы М.В.Воеводским. В одной из своих работ, посвященных общей характеристике памятников этого района, он отмечал, что "Основная масса носителей роменской культуры жила на неукрепленных селищах, количество которых значительно превышает число городищ".

Приведенные данные показывают, что по-своему внешнему облику славянские поселения конца I тысячелетия н.э. в области Правобережья и Левобережья не различались между собой и что противопоставление правобережных поселений левобережным с внешней стороны не имеет под собой никаких оснований.

Нет оснований для противопоставления правобережных и левобережных памятников и в отношении жилых и хозяйственных построек. В обоих районах основным типом жилищ для этого времени является полуземлянка, углубленная в землю в пределах метра от поверхности. Перекрытие поддерживалось столбовой конструкцией. В одном из углов полуземлянки сооружалась печь-каменка или глинобитная печь. Внутри жилища или рядом с ним размещалась хозяйственная яма (погреб?). Облик этих жилых построек в обоих районах настолько близок, что по описанию трудно определить, относится ли данная полуземлянка к Правобережью или Левобережью. Не случайно поэтому один из исследователей правобережных памятников, характеризуя поселение этой поры отмечает, что "По устройству жилищ и их планировке поселение... аналогично поселению IX – X вв. на Боршевском городище".

Сравнивая бытовой и хозяйственный инвентарь правобережных и левобережных поселений и в первую очередь керамику, приходится отметить, что и в этом отношении существенных различий не прослеживается. Большая часть керамики правобережных поселений VIII – IX вв., как уже говорилось, представлена остатками лепных сосудов, сделанных из глины, со значительной примесью дресвы или шамота. Обломки гончарных сосудов немногочисленны; по качеству выделки они довольно грубые. Основные типы сосудов – горшки, миски и сковородки. Лишь в отношении орнаментации керамика правобережных памятников имеет некоторые отличия.

В археологической литературе с керамикой роменских памятников обычно ассоциируется своеобразный орнамент в виде отпечатков зубчатого штампа или палочки, перевитой веревочкой, наносимых по краю венчика или тулову сосуда в самых различных сочетаниях. Работы последних лет в области Левобережья показывают, однако, что этот вид орнаментации применялся совсем не так широко в обиходе левобережного населения, что наряду с этим видом орнаментации существовали и другие – линейный, волнистый, отпечатки пальцев и т.п., а в отдельных поселениях (например, Опошнянском) обломки сосудов с отпечатками зубчатого штампа вообще единичны. Судя по отчетным данным , основная масса орнаментированных обломков сосудов правобережных поселении была покрыта линейным или волнистым орнаментом; обломки, орнаментированные зубчатым чеканом, встречаются очень редко. Это различие в орнаментации керамики несомненно придает памятникам обоих районов некоторое своеобразие, однако оно не вносит каких-либо различий принципиального характера, так как различия в орнаментации керамики имеются не только между Правобережьем и Левобережьем, но и между отдельными поселениями внутри каждой из этих областей. Это, по-видимому, особенности этнографического порядка.

Мы не касаемся здесь вопроса о черной лощеной керамике как своеобразной черте поселений второй половины I тысячелетия н.э. в области Правобережья. Большая часть черно-лощеных обломков собрана на дюнах, в составе керамических остатков самых различных эпох, что, несомненно, сильно затрудняет определение их места среди других культурных остатков, собранных в этих пунктах. Но если бы даже эти чернолощеные керамические обломки действительно принадлежали сосудам VIII – X вв., ничего особенного, свойственного только Правобережью мы в этом усмотреть не можем. В настоящее время хорошо известно, что черные лощеные сосуды присущи и Левобережным роменско-боршевским памятникам VIII – X вв.

Сравнительно редко представлены в обеих группах памятников изделия из железа. До последнего времени и на Левобережье и на Правобережье в памятниках VIII – X вв. были известны лишь отдельные находки железных вещей – ничем не различающихся между собою. Это были обычные ножи, рыболовные крючки и обломки некоторых других трудно определяемых предметов. Изделия из кости в обеих областях представлены остриями, изделия из глины – пряслицами, изделия из камня – зернотерками и жерновами.

В последние годы при исследовании одного из роменских поселений (Новотроицкого), раскопанного полностью, было установлено, что общий облик культуры восточных славян Левобережья VIII – X вв. совсем не архаичен и примитивен, как это отмечалось исследователями, при сравнении ее с культурой славян Правобережья. При исследовании Новотроицкого поселения было найдено много изделий из металла – железа, бронзы и серебра. Среди них орудия труда, бытовой инвентарь, украшения. Многие изделия, например, подвески волынского типа, наконечники стрел, тигли и т.п. находят себе аналогии среди вещей Правобережья, однако целого такого комплекса в области Правобережья мы пока не знаем, что объясняется слабой изученностью памятников в этом районе.

При сравнении левобережных памятников VIII – X вв. с правобережными нельзя пройти мимо еще одной стороны славянской культуры этой поры – обряда захоронения. Указывается на то, что левобережной группе населения был свойственен обряд трупосожжения, а правобережное население наряду с трупосожжением хоронило и по способу трупоположения. Необходимо заметить, что у нас нет оснований утверждать, что в области Левобережья в VIII – X вв. население хоронило лишь по способу трупосожжения. Наличие в некоторых могильниках близ Белогорского монастыря, у села Волокитино, у села Гочево, в г.Глинске и некоторых других наряду с трупосожжением обряда трупоположения не позволяет сделать такой вывод. Мы уже не говорим о дружинных погребениях X в., известных по Черниговскому, Шестовицкому и некоторым другим могильникам.

Вместе с тем, было бы неверно утверждать, что в области Правобережья для этого времени более характерным является обряд трупоположения. Последний нам известен там главным образом про Киеву, к тому же, для сравнительно позднего времени – для X в. Что касается трупосожжения, то оно дожило в области Правобережья, как и Левобережья, до X в. Укажем хотя бы не упомянутые раскопки М.И Артамоновым кургана с трупосожжением X в. у городища Малые Валы. Вспомним также старые раскопки многочисленных подкурганных трупосожжений в урнах по течению р.Случ в районе, где в последнее время открыт ряд поселений второй половины I тысячелетия н.э.

Суммируя изложенное, мы приходим к выводу, что в области Днепровского Левобережья славянские археологические памятники конца I тысячелетия н.э., известные в литературе под именем роменско-борщевских, не являются чем-то обособленным от одновременных им славянских памятников; что близкие им памятники имеют широкое распространением и в области Правобережья, а также в бассейнах верхнего течения рек Южного и Западного Буга и Днестра, составляя с ними в историко-культурном отношении единое целое. Что касается некоторых особенностей памятников роменско-борщевского типа, то суть их не в уровне развития культуры, а в различиях этнографического порядка. Отсюда следует, что противопоставлять эти группы памятников нет никаких оснований. Больше того, имеются все данные утверждать, что в историко-культурном отношении и памятники северной группы восточных славян этого времени вплоть до Старой Ладоги очень мало отличаются от памятников Среднего Приднепровья в целом. Только устройство жилищ в какой-то мере их выделяет. Если в области Среднего Приднепровья господствующим типом жилищ в это время были полуземлянки, то в лесной полосе – наземные деревянные жилища. Но эти различия, очевидно, обусловлены особенностями географической среды и только.

* * *

Сторонники более высокого уровня культуры восточных славян Днепровского Правобережья по сравнению с культурой восточных славян остальной территории, в частности, юго-востока, утверждают, что в основе правобережной культуры времени образования киевского государства лежит культура "полей погребений" черняховского типа, отождествляемая ими с культурой антов. Рассмотрение этого большого и сложного вопроса не входит в нашу задачу, однако мы не можем пройти мимо одного весьма любопытного наблюдения, проливающего свет на отношение памятников культуры "полей погребений" и памятников времени образования Киевского государства. Дело в том, что за последние годы в области Среднего Поднепровья были проведены археологические изыскания в ряде древнерусских городов – как в области Правобережья, так и Левобережья, известных нам по письменным источникам. В одних – как Киев, Чернигов, Городск, Полтава (Лтава древнерусских летописей) – были произведены стационарные раскопки, в других – как Рыльск, Путивль и некоторые другие – разведочные работы. При этом выяснилось, что во всех этих поселениях в основании так называе-

мого великокняжеского слоя, датируемого обычно в широких хронологических пределах X – XIII вв. залегает слой, содержащий грубую лепную керамику роменского или близкого ей типа. Это явление имеет место независимо от того, где находится исследованный город – в области Правобережья или Левобережья. В большей части этих древних поселений отложения культуры "полей погребений" Черняховского типа не были найдены вообще, а там, где они оказались (как, например, в Киеве) между ними и культурой великокняжеской поры залегал слой культурных отложений, аналогичных роменско-боршевским. Эти факты весьма показательны. Они свидетельствуют о том, что памятники Киевской Руси генетически не связаны с памятниками "полей погребений" Черняховского типа, что между теми и другими не только в области Левобережья, но и Правобережья лежит целая полоса времени второй половины I тысячелетия, последние столетия которого (VIII–X вв.) представлены на всей территории восточных славян памятниками роменско-боршевского и близкого к ним типа.

Мы не знаем пока достоверных славянских (антских) памятников V – VII вв., не исключено однако, что в западной части Правобережья некоторые из отмеченных нами памятников относятся не к VIII – X вв., а к более ранней поре. К этой же, более ранней поре несомненно относятся отложения славянской культуры на поселении близ села Попина (Болгария), залегающие под слоем салтово-маяцких отложений, датируемых обычно VIII – IX вв. Не имеют, безусловно, никакого отношения к культуре антов VI – VII вв. памятники полей погребений черняховского типа, ибо к тому времени (VI – VII вв.), когда византийские и западные источники говорят об антах, культура "полей погребений" прекратила существование в этих районах. Вместе с тем, следует иметь в виду и еще одно весьма важное обстоятельство: все то, что говорили византийские хронисты про антское общество, относится к жизни славянского населения Подунавья и Балканского полуострова, а не района Среднего Поднепровья.

В заключение нельзя не упомянуть и о том, что многие элементы славянской культуры роменско-боршевского и аналогичного им типа хорошо известны и далее на запад – среди древностей Польши и Чехословакии. Уверены, что со временем, когда изучению этого периода будет уделено большое внимание, там будут выявлены и целостные комплексы, а это даст основание утверждать, что культурное единство славянского мира отнюдь не позднее явление, а уходит своими корнями далеко вглубь веков.

Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей // Вестник ЛГУ. 1956. № 20 (Сер. истории, языка и литературы. № 4). С. 45–60.